

С.Г. ПАВЛЮК

ГОРОДСКАЯ ЛОКАЛЬНАЯ ТОПОНИМИЯ

КАК ИНДИКАТОР ПРОСТРАНСТВЕННОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА¹

Urban Studies and Practices Vol.2 #2, 2017, 33-42
<https://doi.org/10.17323/usp22201733-42>

В последние десять лет в российской географии и урбанистике наблюдается резкий подъем интереса к феномену вернакулярного района, а также к изучению внутригородских вернакулярных районов. Вдохновителем этого процесса во многом стал Л.В. Смирнягин: он одним из первых в отечественной географии привлек внимание к данному феномену и указал на важность его изучения для лучшего понимания общества и его пространственной самоорганизации [Смирнягин, 2004]. Под руководством Л.В. Смирнягина защищены кандидатские диссертации С.Г. Павлюка и К.А. Пузанова, в которых сформулированы постулаты объективности и общественного характера вернакулярного района как формы пространственной самоорганизации общества, а также своеобразия внутригородских вернакулярных районов [Павлюк, 2007; Пузанов, 2013].

Понятие вернакулярного района вырастает из концепций чувства места (sense of place), которое американский географ Джон Агню определяет как «субъективную и эмоциональную привязанность к месту» [Agnew, 2004], и топофилии И-Фу Туана, положительной эмоциональной связи с определенным ландшафтом [Tuan, 1974]. Место — часть пространства, наполненная территориальным и социальным смыслом для человека. Это территория, до которой ему есть дело. Достаточно крупные и насыщенные внутренним смыслом места можно назвать вернакулярными районами — районами, существующими в общественном сознании населяющей их территорию общности людей [Павлюк, 2009].

Выделять и описывать такие районы принято при помощи ментальных карт, отличительная черта которых — наличие соб-

Павлюк Семен Геннадьевич, кандидат географических наук, научный сотрудник кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1

E-mail: phoenix11@list.ru

Локальный топоним — один из индикаторов перцепции пространства, формирования пространственной самоорганизации общества и чувства места. Сам процесс поименования территории превращает абстрактное однородное пространство в конкретное место, наполненное определенным ментальным и социальным смыслом. А знание подобных топонимов и их употребление в быту — своеобразный тест «свой-чужой». В статье анализируются особенности употребления, распространения, генезиса и жизненного цикла городских локальных топонимов.

Ключевые слова: городская локальная топонимия; пространственная самоорганизация общества; вернакулярные районы, Россия

ственной локальной топонимии, понятной только местным жителям и иногда их непосредственным соседям. Вот лишь пара примеров из личного опыта.

Недалеко от станции метро «Фрунзенская» находится Московская академия хореографии, вокруг здания которой расположен мини-парк, прозванный местными жителями «Балеткой» (еще в те годы, когда академия была просто балетным училищем). Для местных жителей этот топоним — своеобразный тест «свой-чужой». «Свои» однозначно поймут фразу: «Встретимся на Балетке»² [Павлюк, 2006].

2 В 2013 г. между руководством академии и жителями микрорайона произошел конфликт. На территории «Балетки» планировалось построить многоэтажное жилое здание — якобы общежитие для учащихся. Местные жители собирались на многочисленные митинги протеста, привлекали внимание прессы и властей. В итоге строительство не было начато, но в ответ руководство академии закрыло территорию «Балетки» для жителей района.

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ (грант № 17-03-00848).

А вот топонимы «Большая» и «Малая» известны более узкому кругу лиц: как правило, это ученики и выпускники школы № 171, а также их родители. Расположенные рядом со зданием школы две спортивные площадки давным-давно получили именно такие прозвища. Выпускники соседней школы № 23 (после реформы системы школ здесь находятся начальные классы школы № 171) таких топонимов не знают (хотя знают, что такое «Балетка»), зато имеют собственные нанотопонимы, например, «У самолетика» (детская площадка с огромным макетом самолета).

Продуктовый магазин на окраине города Хотьково в Московской области местные жители называют не иначе как «Еврейский», хотя мало кто может ответить на вопрос, откуда пошло такое название. Только старшее поколение помнит, что в 1950–1960-х годах в магазине работала продавцами пожилая еврейская пара. Локальное название магазина служит хорошим маркером «своих»: жители центральной части города такого названия не знают.

Примеров подобного рода любой может привести предостаточно. Традиционные названия закрепляются надолго и часто живут дольше, чем их материальные воплощения. До сих пор новые супермаркеты по привычке называют «Молочными» или «Булочными».

Схожих локальных имен сотни: у каждого института есть своя «Стекляшка» (ранее гастроном, теперь ближайший к вузу магазин), в каждом провинциальном городе — «Поле чудес» (район частной коттеджной застройки с высоким процентом недостроенных домов). Свои «Бродвей» — центральные променады — есть в Ульяновске, Троицке, Мурманске и Ярославле. Все эти названия имеют смысл только для жителей данного места. «Пять углов» для жителя Петербурга — это пересечение Загородного проспекта, улиц Ломоносова, Рубинштейна и Разъезжей, тогда как для жителя Нью-Йорка «Пять Углов» (Five Points) — часть нынешнего Чайнатауна на Манхэттене, а когда-то — знаменитый район трущоб, где в XIX в. селились бедные ирландские иммигранты.

Именно посредством таких локальных топонимов, «ориентиров» (landmarks), как называл их в своих работах И-Фу Туан, житель определенной территории и превращает пространство в место, «наполняя его смыслом» [Tuán, 1977].

Похожего мнения придерживается В.Н. Калущков, указывая, что любой топоним дается с позиции какого-либо сообщества и несет в себе организационную функцию. Подобные локализованные топонимы он называет топосами и считает их элементарной единицей организации культурного ландшафта [Калущков, 2004].

И-Фу Туан приводил метафору лабиринта, который изначально расценивается человеком, стоящим у входа, как неизвестное пространство. По мере того как он изучает его, наполняя ориентирами (рисунок на стене, трещина странной формы в полу), лабиринт становится все более знакомым, осмысленным. И под конец, когда человек уже знает лабиринт «как свои пять пальцев», тот становится для него местом [Tuán, 1977].

Переводя метафору в реальность, приведем пример так называемого зеленоградского полигона — леса под Зеленоградом, где уже много лет проводят сборы любители ролевого и исторического моделирования. Они с легкостью объяснят «своему», как пройти до нужной точки в лесу, используя для этого многочисленные ориентиры, у каждого из которых (поляна, резкий поворот тропы) есть свое локальное название, как правило, совершенно непонятное для «чужих», но наполненное смыслом для «своих». Они также точно покажут границы полигона, не совпадающие с границей леса, а потому не очевидные для постороннего. И проведут внутреннее районирование территории, используя как свойства местности (ручей, овраг), так и точки, заметные и «осмысленные» только для «своих».

Как видно, даже полностью неизведанное пространство (лес, в котором сложно ориентироваться городским жителям) благодаря ориентирам — локальным топонимам превращается в место, да еще и со внутренним районированием. В городе потеряться сложнее, многие ориентиры определены заранее: названия улиц, номера домов, но местные жители, как правило, переименовывают их на свой лад, самоорганизуя свой город, район и/или квартал в соответствии с собственной ментальной картой.

С целью анализа распространения, генезиса и жизненного цикла городских локальных топонимов был проведен опрос среди пользователей сети Интернет. Участникам было предложено привести пример топонимии

собственного места: названия и прозвища районов, площадей, магазинов, памятников, топонимов, используемых студентами определенного вуза и т.д. Опрос был проведен в личном блоге автора (<http://pavlyuk.livejournal.com>)³, в блоге сообщества «Моя Москва» (http://community.livejournal.com/moya_moskva) и на интернет-форуме «Русский Backpacker — Русский путешественник» (<http://www.bpclub>).

По итогам опроса получены данные о более чем 550 локальных топонимах городов России, СНГ и даже дальнего зарубежья. Порядка 70% топонимов пришлось на Москву. По результатам анализа полученной выборки были выделены признаки городского локального топонима. Рассмотрим их подробнее.

Размер

В зависимости от размера покрываемой территории локальные топонимы можно разделить на нано-, микро- и мезотопонимы.

Нанотопонимы — это точечные объекты (памятники, магазины, дома) или площадные, которые можно условно принять за точку (двор, детская площадка, небольшой парк и т.д.). Например, «Собачья площадка» в одном из микрорайонов Ставрополя. Место, где местные жители выгуливают своих собак.

Микротопонимы — линейно-площадные и площадные объекты (улицы, площади, микрорайоны). К мезотопонимам можно отнести крупные районы города, такие как московские районы Таганка, Хамовники, Пресня.

Тип

На основе анализа полученных топонимов были выделены основные типы объектов, которые получают «народные» названия и используются на ментальных картах местных жителей.

1. Магазины и предприятия обслуживания (парикмахерские, гостиницы)

Самый многочисленный тип локальной топонимии. За период жизни человека в его родном месте несколько раз успевают смениться официальная топонимия. Чаще всего меняются названия и специализация магазинов (особенно часто в России это происходило в 1990-е, когда за год магазин мог два-три

раза сменить профиль и название). Неудивительно, что привычная ментальная карта не всегда поспевает за поступью времени. В результате люди продолжают ходить в несуществующие уже несколько лет «булочные» и «овощные», употреблять несуществующие эмпоронимы (например, жители района Октябрьского поля до сих пор пользуются топонимами «Террама», «Валенсия», «Березка», хотя эти магазины давно сменили название) или называть магазин по любому другому, уже ушедшему признаку (пример «Еврейского» магазина).

2. Дома или группа домов, подъезды

Еще одна элементарная частица ментальной карты. Дома получают имя собственное за особенности внешнего вида или местоположение. В подмосковном Троицке местные жители легко покажут «Титаник» (17-этажный пятисекционный дом на Академической площади), «Парус» (дом с очень острым углом), «Зуб» или «Гнилой зуб» (местный долгострой), «Хилтон» (издевательское прозвище местного общежития) и «Крокодил» (длинный зеленый дом).

3. Памятники, стелы и т.д.

Признанная доминанта образного поля. Выделяющиеся в пространстве объекты всегда были местом встреч. В Москве принято встречаться «на Ноге у головы» — у бюста Ногина на станции метро «Китай-город»; «у синего неба» — у расписанной синими тонами глухой стены на станции метро «Октябрьская»; «под рукой» — у скульптуры пожилого партизана на станции метро «Белорусская». В Новосибирске назначают встречи «под плащом» (статуя Ленина на центральной площади города одета в развевающийся плащ), в Ярославле — «под пальцем» (на этот раз статуя Ленина показывает куда-то указательным пальцем), в Екатеринбурге — «под варежкой» (одна из фигур скульптурной композиции героям войны делает широкий жест одетой в варежку рукой).

Кроме того, памятники являются любимой мишенью острословов, причем многие из этих обидных прозвищ прочно закрепляются, становясь обиходными. Памятник российско-грузинской дружбе работы Церетели на Тишинской площади Москвы местные жители называют не иначе как «Шашлык»

³ См.: <http://pavlyuk.livejournal.com/19653.html>

(так же называют иногда и весь окрестный микрорайон). «Жираф» — памятник Жукову перед Красной площадью, «Колумб» — памятник Петру I за авторством того же Церетели, «Лыжи Кулаковой» — монумент «Дружба народов» в Ижевске. В Душанбе можно услышать в ответ на вопрос «Где вы живете?» фразу «Где ослиные уши» (ослиными ушами называют V-образный памятник на Площади Победы).

4. Точечно-площадные объекты (дворы, детские площадки, «пяточки»)

Тяжело вычлениющийся тип, так как объекты известны слишком ограниченному кругу лиц, а те с ними настолько свыклись, что не указывают их как локальные топонимы, предпочитая более распространенные примеры. А ведь бесчисленные «Большие» детские площадки, «Девятки», «Дубы» и «Волейболки» — основа топофилии места. Выявление и изучение распространения подобных нанотопонимов необычайно сложно, да и редко требуется для географического исследования.

5. Линейно-площадные объекты (улицы, переулки, площади, парки, рынки)

Также весьма многочисленный тип. Большая часть рассматриваемых топонимов — переделки официальных названий, прижившихся в обиходной речи: «Куська» — улица Куусинена, «Лосинка» — Лосиноостровский рынок, или особенности местоположения топонима: «Китайский пруд» — тот, что недалеко от китайского посольства в Москве, «Огуречная гора» — холм на окраине Владимира, покрытый теплицами, где выращивают огурцы.

Часто бывает, что дополнительное уточнение в названии вообще не требуется. Если житель Калининграда говорит «площадь» без дальнейшего уточнения, значит, речь идет о Площади Победы. Если житель Владивостока говорит «Набережная», — речь идет о Спортивной гавани — любимом месте вечерних прогулок горожан и гостей. Любопытно, что соседнюю Корабельную набережную так не называют.

6. Микрорайоны

Наиболее интересный тип для изучения, так как именно по осведомленности, что такое «Балетка» и как пройти «на болото» (новый

микрорайон за станцией метро «Кожуховская», где раньше действительно было болото), можно отличить «своих» от «чужих» на микроуровне.

Особый интерес вызывают обиходные названия станций метро. Как правило, это сокращение или переименование официального названия: «905-й», «Первомайка», «Пушка». Несмотря на кажущуюся простоту и очевидность, данные топонимы играют огромное значение для пространственной самоорганизации жителей города. Они применяются не только к самим станциям, но и к местности вокруг них. Система метро играет центральную роль в жизни большинства москвичей, определяя их ментальную карту. По принадлежности к «орбите» определенной станции москвич зачастую и идентифицирует свое место жительства.

Фраза «он живет на Парке» очевидна для жителей станций метро «Фрунзенская» или «Кропоткинская» — речь идет об окрестностях метро «Парк Культуры». Но вот жителями «Измайловского парка» она вряд ли будет правильно воспринята. Точно так же «не-местный» может неправильно истолковать местонахождение «Южки» (подумать, что речь идет о станции «Южная», а не о «Юго-Западной»). Более того, «Южкой» называют свой район и жители станции метро «Кожуховская» из-за близости Южного порта. Ну а жители «Сокольников» часто называют свою станцию метро «Сокол», чем полностью дезориентируют посторонних, которые, конечно же, понимают под «Соколом» одноименную станцию метро на северо-западе Москвы.

7. Районы города

Район «Нахаловка» — частный сектор на берегу Оби, недалеко от центра Новосибирска. Название местности очень старое, получено во время активного заселения города в начале XX в. Это был район самовольной застройки, где крестьяне селились без необходимых разрешений. В советское время их «легализовали», но даже спустя почти 100 лет название остается общеупотребительным.

Подобные «народные» районы легко выделяются не только в городах, богатых историей (например, московские Таганка, Хамовники, Якиманка, Замоскворечье), но и в совсем новых поселениях, построенных в середине — конце XX в. Их официальная топонимия столь бедна и однообразна, что для формирования

чувства места горожанам было совершенно необходимо наполнить образное поле и ментальную карту.

Например, город Троицк официально разделен на микрорайоны А, Б, В и т.д. Конечно, возникновение локальной топонимии в данных условиях неизбежно. Микрорайон «В» называют «Микрорайон» (сленговые — «Микрик», «Микраш»); микрорайон «Е» — «Фабрика»; микрорайоны «А» и «Б» вместе — «Городок»; если же брать отдельно, то «А» — «40-й километр» (по километражу на Калужском шоссе, к которому он примыкает), а «Б» — «41-й километр». Часть микрорайона «В», прилегающая к бывшему торговому центру — «Торговый» (сленговое — «Торгаш»).

Частота употребления топонима сегодня

У любого топонима, как официального, так и обиходного, существует определенный жизненный цикл. Многие топонимы, которые использовались 10–20 лет назад, сейчас стали историей. Канул в прошлое Чехиха — криминальный район вокруг Чехихинского переулка — его снесли при постройке Третьего транспортного кольца. Во дворе школы № 171 в 1970-е был так называемый Парк Горького — большая детская площадка, известная всему району. Площадка сгорела в 1980 г., и топоним забыли.

Но некоторые топонимы переживают свои физические воплощения. Жители Сокольников называют один из магазинов в районе «Зеленым» или «Арбузным», хотя его давно перекрасили в синий цвет, да и арбузами там больше не торгуют. А местность у метро «Беляево» к Севастопольскому проспекту по-прежнему называют «за оврагом», хотя самого оврага уже нет.

Впрочем, большинство топонимов в случае потери физического воплощения и при смене названия официального топонима постепенно исчезают из повседневной речи. У разных топонимов разная скорость прекращения их употребления. Скажем, бывший «Овощной» на улице Кибальчича забывается куда быстрее, чем «молочка» на улице Павла Корчагина. Возможно, дело в том, что «Овощной» заменили обиходной по сути, легко запоминающейся и широко известной «Копейкой», тогда как «Молочку» заменили на супермаркет «Магнолия». Впрочем, молодежь уже переименовала ее в «Монголию», и топоним набирает популярность.

На место старых топонимов приходят новые, отражая изменения общественной жизни. В конце 1980 — начале 1990-х в условиях тотального дефицита магазин «Мясо, рыба, овощи» в Хотьково называли не иначе как «Ни рыба — ни мясо», отражая реальное содержимое полок магазина. В середине 1990-х этот топоним исчез. Также исчезли и многочисленные «цековские» дома (так в 1970-х назывались многие многоэтажные краснокирпичные дома). Зато появились топонимы нового времени: «Дворянское гнездо» (комплекс дорогих, в том числе недостроенных, особняков в Караганде), «Царское село» (элитные дома в Новых Черемушках) и многочисленные «Поля чудес» (коттеджные поселки в чистом поле).

Среда распространения

По широте распространения локальные топонимы подразделяются на *широко распространенные*, *ограниченно распространенные* и *специализированные* (социальные).

Широко распространенный топоним имеет широкий ареал узнавания. Большинство москвичей знают, где находится Таганка или Пресня, а также, например, «Смотровая» (смотровая площадка на Воробьевых горах). А любой житель Мурманска покажет, как пройти к «Алеше» — памятнику защитникам Заполярья. Подобное распространение имеют либо мезотопонимы, либо топонимы — доминанты городской ментальной карты (символы города, как в случае с «Алешей»). Знание этого топонима обычно отличает горожан от гостей города.

Ограниченно распространенный топоним известен лишь жителям определенного района, квартала, двора. В данном случае система «свой-чужой» работает в более узком пространственном ключе.

Подобная узость охваченной группы приводит к тому, что в одном городе можно найти несколько одинаковых топонимов, применимых разными локальными группами к разным объектам. Например, уже упоминавшийся «Шашлык» в народе также называют «АБВГДейкой» из-за непонятных надписей на памятнике. Точно так же называют и гостиницу «Измайлово» за корпуса, имеющие название «Альфа», «Бета», «Гамма». Топонимы не конкурируют между собой, так как группы, их использующие, друг с другом не контактируют.

Но бывает, что топоним может иметь разные значения и в пограничных группах.

Например, в районе Южное Чертаново периодически возникают недоразумения из-за топонима «Битца», так как некоторые понимают его как местность южнее МКАДа (и, соответственно, южнее Южного Чертанова), а некоторые — как конно-спортивный комплекс (севернее Южного Чертанова)⁴. В результате направление «в сторону Битцы» может означать совершенно противоположные стороны.

Специализированный (социальный) топоним распространен среди определенной возрастной или социальной группы и, скорее, служит для определения «своих» не в пространственном, а в социальном плане. Например, топоним «Камень» (памятник К. Марксу напротив Большого театра) знает каждый московский роллер, так как это излюбленное место их встреч. Любители же ролевых игр (толкиенисты) в разное время собирались в Москве на «Эгладоре» (центральная часть Нескучного сада), на «Лысой горе» (склон от здания РАН) и «у Памятника» (памятник В.И. Ленину на Октябрьской площади).

Свои топонимы есть у каждого молодежного движения, но особенно их много у «неформалов». Пассионарные по сути, стремясь быть непохожими на других, они стараются создать собственную, отличную от общепринятой ментальную карту места, наделив ее понятными только им ориентирами (один из участников опроса прислал 50(!) топонимов, распространенных среди неформальной молодежи Ярославля).

Другой яркий пример социальных топонимов — локальные топонимы, распространенные среди студентов определенного вуза. На своей ментальной карте они маркируют не только ориентиры внутри самого вуза, но его окрестности, которые сводят в сферу их «жизненного пространства». Скажем, студенты Института иностранных языков имени Мориса Тореза одно время называли магазин на углу улицы Остоженка и Кропоткинского переулка — «Эфес» (за рекламные плакаты данного сорта пива на окнах), а небольшой дворик за Академией Галины Вишневской — «Шалаяпинг». Да и саму Остоженку они называли не иначе как «Остога». Ни одно из этих названий не было известно местным жителям.

⁴ Любопытно, что Битцевский лесопарк, который многие москвичи называют «Битцей», жители района Чертаново называют «Битцевский» или «лес».

Генезис

По происхождению можно выделить следующие группы топонимов.

1. Искажение/переделка официального названия

Самое распространенное происхождение топонима, особенно если речь идет об улице, площади, станции метро: «Поля» — район вокруг станции метро «Октябрьское поле», «Поклонка» — Поклонная гора, «Пушка» — Пушкинская площадь, «Шмит» — Шмитовский проезд. К этому же виду относятся и топонимы, представляющие собой сокращения и аббревиатуры официальных названий: «905-го» — станция метро «Улица 1905 года», «ХаХаэС» — Храм Христа Спасителя.

2. Местоположение

Тоже очень распространенный вид происхождения топонима. На Руси, при ее плоском рельефе, издавна определяющую роль играли гидронимы. Поэтому топонимы Замоскворечье, Заречье (Юрьев-Польский) или Завеличье (Псков) имеют очень давнюю историю. Микро- и нанотопонимы также часто называются в связи с особенностями местоположения. От банальных магазина «на горе» и «ближнего» озера, до более изощренного кафе «Малая земля» (за расположение рядом с кинотеатром «Новороссийск»).

3. Внешний вид

Еще одна крайне многочисленная группа, обычно применяемая к точечным объектам (домам, магазинам, памятникам). В качестве примера можно вспомнить «Штык» — памятник защитникам Москвы на Ленинградском шоссе, «Близнецы» — два одинаковых высотных дома в районе станции метро «Октябрьское поле», и «Китайскую стену» — расхожий топоним, используемый для длинного высотного дома или ряда домов в Караганде, Химках и Харькове.

4. Старое название официального топонима

Данная группа, включающая названия магазинов, улиц, остановок общественного транспорта и станций метро, которые официально сменили название, уже разобрана в предыдущих примерах.

5. Универсальность (нарицательность)

Выделяются два подтипа. Во-первых, универсальный топоним для конкретного места, подчеркивающий его уникальность: например, топонимы «магазин» или «площадь» в небольшой деревне не требуют уточнения. Для жителей района Нагатино фраза «пройти на платформу» не нуждается в уточнении — она там одна, «Москворечье». А Красногвардейские пруды в районе Пресни местные жители называют просто «Пруды» тоже из-за их уникальности («на Прудах» прожил первые пять лет жизни автор статьи).

Во-вторых, это подчеркивание конкретного ориентира, хотя его сложно назвать уникальным (скажем, Лебедянский пруд в Измайловском парке местные жители называют просто «пруд», несмотря на то, что вокруг полно других прудов).

6. Исторические топонимы

Главный признак — время появления топонима. Дома в начале Шмитовского проезда до сих пор называются «новыми домами», хотя им уже почти 50 лет. К этой же группе можно отнести и топонимы некоторых районов Москвы: Хамовники, Таганка, Якиманка. Они уже настолько закрепились в сознании горожан, что ассоциируются исключительно с историей. Например, на вопрос о генезисе топонима «Хамовники» обычно отсылают к истории («так называлась местность еще до революции»), мало кто вспоминает про слободы льняных ткачей, откуда и пошел топоним.

7. Человеческий фактор

В эту группу входят топонимы, названные в честь людей, которые на этом месте жили или работали. Сюда относятся магазины «Еврейский» (город Хотьково) и «Армянский» (Первомайский район Москвы), а также «Симонян» в Новосибирске (по фамилии его директора еще в советское время), «Либмановская» и «Керапьяновская» больницы в Караганде (по фамилиям бывших главврачей), «Немецкий» магазин в Тушине (в квартале, построенном пленными немцами).

8. Социальный статус

Небольшая группа топонимов, чей генезис подчеркивает элитность (уже упоминавшееся

«Дворянское гнездо» и т.д.) или, наоборот, люмпенизированность места (магазин в Раменском, прозванный «бомжовкой»).

9. Специализация

Небольшая группа, происхождение топонимов которой говорит о назначении места (например, «Площадь салютов» в Троицке — здесь проходят городские салюты) или особенности его специализации (столовая во Владимире с обиходным названием «Полтинник»).

10. Неопределенный генезис

К этой группе можно отнести те топонимы, происхождение которых остается неизвестным. Например, в 1960-е годы между станциями метро «Нахимовский проспект» и «Варшавская» существовал район, который местные жители называли «Финляндия». Топоним вышел из употребления в середине 1970-х, а его происхождение осталось загадкой даже для тех, кто его активно использовал.

Итак, мы рассмотрели основные критерии выделения и типологии городских локальных топонимов, теперь отметим несколько моментов их использования в повседневной жизни, которое непосредственным образом влияет на процессы пространственной самоорганизации общества.

1. Использование локальной топонимии как ориентиров в пространстве, формирование чувства места

Многочисленные приведенные примеры показывают, как при помощи локальных топонимов человек формирует свою ментальную карту, наполняя для себя смыслом ту местность, где он проживает, или которая играет существенную роль в его повседневной жизни.

2. Идентификация «свой-чужой»

Локальные топонимы — яркая маркировка своей территории. Их знание и использование — наглядное подтверждение принадлежности к определенному месту или социальной группе. Чужак, не зная тонкостей локальной топонимии, может попасть в неловкую ситуацию. Например, в Химках вы-

ражение «Ты что, с левого берега?» означает «Ты что, с ума сошел?», так как на левом берегу Москвы-реки находится психбольница. Не все москвичи об этом знают и иногда отвечают утвердительно на подобную реплику местных жителей. Ведь Москва действительно находится на левом берегу реки.

Часто локальная топонимия используется и в молодежно-криминальной среде. Выражение «Ты с какого района?» обычно подразумевает знание не официальных названий улиц, но конкретных локальных топонимов для обозначений микрорайонов. Часто между соседними районами идет нешуточная война, поэтому на стенах дворов, наряду с классическими для уличных граффити названиями футбольных команд и музыкальных групп, появляются и стилизованные названия этих топонимов.

Например, на Полях (район вокруг станции метро «Октябрьское поле») в начале 1990-х постоянно происходили драки между ребятами «с Почты», «с ВИЭМа» и «с Волны»⁵. «ВИЭМ» — аббревиатура «Всесоюзного института экспериментальной медицины», корпуса которого так и не были построены — на их месте возвели жилые дома. Но район так и прозвали (не в последнюю очередь из-за названия автобусной остановки). «Волна» — так назывался кинотеатр на углу улиц Расплетина и Берзарина. Генезис «Почты» до конца не ясен — либо от одного из первых почтовых отделений в округе, либо из-за танкового завода — «почтового ящика». Каждый район имел довольно четкие границы, и ходить по чужой территории их молодым жителям было небезопасно.

3. Вытеснение локальной топонимией официальных названий

Некоторые остановки городского транспорта до сих пор называются старыми именами или иными локальными топонимами. Например, остановку «Музей» на юго-востоке Караганды все называют не иначе как «45-й» («Вы на 45-м выходите?») по имени 45-го квартала города. Точно так же остановку у ранее упоминавшегося магазина «Симонян» называют тем же именем, а не ее официальным наименованием. Топоним не исчезает, так как его перенимает не только

молодое поколение, но и подрабатывающие извозом мигранты, которые также ставят эти топонимы на свою ментальную карту.

В Красноярске есть остановка «Оптика», о чем говорят огромные буквы на фасаде дома. Но буквы — это все, что осталось, магазина давно нет. Однако название остановки не меняется, так как четко отражает ментальную карту местного населения. Так же как и название следующей остановки по маршруту — «Магазин» (хотя он на этой остановке далеко не один).

4. Локальный топоним становится официальным названием

В Химках в 2006 г. открылся продуктовый магазин «Морковка». Однако это название существовало на ментальной карте жителей города уже лет пять. Так в народе прозвали мрачного вида магазинчик, который облюбовали местные алкоголики. Считается, что именно они его так назвали за стены из ярко-рыжего кирпича. Время шло, менялись внешний вид и статус магазина, однако народное название сохранялось. Пока не стало официальным.

5. Использование локальной топонимии в политических или иных целях

Знание локальной топонимии и умелое его использование политиком может добавить ему голоса на выборах. Во время одной из предвыборных кампаний в Перми кандидат в мэры Ю. Борисовец обещал «построить Коллизей», то есть достроить еще советский долгострой — кинотеатр в центре города, прозванный в народе «Колизеем».

6. Изучение внешнего влияния на место

По городской топонимии иногда можно понять внешний источник «вдохновения», а значит, и культурного или экономического влияния. Например, локальная топонимия пгт Менделеево Московской области явно повторяет топонимию соседнего Зеленограда («Плешка» — центральная площадь, «Башни» — одиноко стоящие высотки и т.д.), что говорит о неизбежном влиянии одного населенного пункта на другой.

По локальной топонимии (как официальной, так и обиходной) можно судить и об идентификации места с определенным ре-

⁵ См.: <https://oktyabrskoeполе.livejournal.com/8045.html>

гионом. Например, в эргонимах Новосибирска очень часто встречается «сибирская» составляющая («Сибиряк», «Сибирский и т.д.). Жители Красноярска, помимо Сибири, во многом ассоциируют себя с Енисеем и Енисейским краем; Иркутска — с Байкалом и Приангарьем; Омска — с Прииртышьем.

Локальный топоним — один из индикаторов перцепции пространства, формирования пространственной самоорганизации общества и чувства места. Процесс поименования территории для индивида и (что важнее для географа) для общества превращает аб-

страктное однородное пространство в конкретное место, наполненное определенным ментальным и социальным смыслом. Кроме того, локальная топонимия — самое простое для выявления и анализа выражение чувства места и самоорганизации пространства. Другие формы этого процесса (например, локальные модели поведения, ежедневные бытовые маршруты локального сообщества выявить значительно сложнее. Поэтому исследование локальной топонимии — фундаментальный компонент изучения пространственной самоорганизации общества.

Источники

- Калуцков В.Н. Топологическая теория культурного ландшафта // Гуманитарная география. 2004. Вып. 1. С. 138–153.
- Павлюк С.Г. Вернакулярные районы в постиндустриальную эпоху // Постиндустриальная трансформация социального пространства России: сб. докл. Шестых Сократических чтений. М.: Эслан, 2006. С. 94–115.
- Павлюк С.Г. Ключевые вопросы изучения вернакулярных районов // Вопросы социально-экономической географии зарубежных стран. Вып. 18. М.; Смоленск: Ойкумена, 2009. С. 46–56.
- Павлюк С.Г. Традиционные и исторические районы как форма пространственной самоорганизации общества (на примере России и США): автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. М.: МГУ, 2007.
- Пузанов К.А. Внутригородская самоорганизация общества на примере США, России и стран Европейского союза: автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. М.: МГУ, 2013.
- Смирнягин Л.В. Объективность района как «проклятый вопрос» районирования // Научные теории и географическая реальность: сб. докл. Четвертых Сократических чтений. М.: Эслан, 2004. С. 104–119.
- Agnew J. The United States in the World Economy. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. (Цит. по: Cresswell T. Place: A short introduction. Blackwell Publishing, Oxford, 2004. P. 7)
- Tuan Yi-Fu. Space and Place: The Perspective of Experience. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977.
- Tuan Yi-Fu. Topophilia: A Study of Environmental Perception, Attitudes, and Values. Prentice-Hall, Englewood Cliffs, 1974.

SEMEN PAVLYK

URBAN LOCAL TOPONYMY AS AN INDICATOR OF SPATIAL SELF-ORGANIZATION OF SOCIETY

Semen Pavlyk, Candidate of Geographic Sciences, Research Scientist, Department of Social-Economic Geography of Foreign Countries, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University; 1 Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

E-mail: phoenix11@list.ru

Abstract

Local toponym is one of the indicators of space perception, a process in which society's spatial self-organization and sense of place are formed. The very process of territory naming transforms abstract space into special place filled with mental and social meaning. Awareness of such toponyms and their everyday usage turn out to be a kind of "local-alien" test. This article analyses features of usage, genesis and life cycle of urban local toponyms.

Key words: urban local toponymy; spatial self-organization of society; vernacular regions; Russia

References

- Agnew J. *The United States in the World Economy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. (Op. cit.: Cresswell T. *Place: A short introduction*. Blackwell Publishing, Oxford, 2004, p. 7.)
- Kalutskov V.N. Topologicheskaya teoriya kulturnogo landshafta. *Gumanitarnaya geografiya*. 2004, vol. 1, pp. 138–153. (In Russian.)
- Pavlyuk S.G. Kluchevye vorposy izucheniya vernacularnykh rayonov. *Vorposy socialno-ekonomicheskoy geografii zarubezhnykh stran*, vol. 18. Moscow; Smolensk: Oikumena, 2009, pp. 46–56. (In Russian.)
- Pavlyuk S.G. *Traditsionnye i istoricheskie rayony kak forma prostranstvennoy samoorganizatsii obshchestva (na primere Rossii i SSHA)*: avtoref. diss. ... kand. geogr. nauk. Moscow: MSU, 2007. (In Russian.)
- Pavlyuk S.G. Vernacularnye rayony v postindustrialnuyu epokhu. *Post-industrialnaya transformatsiya socialnogo prostranstva Rossii: Essays of Sixth Socratic conference*. Moscow, 2006, pp. 94–115. (In Russian.)
- Puzanov K.A. *Vnutrigorodskaya samoorganizatsiya obshchestva na primere SSHA, Rossii i stran Evropeyskogo Soyuza*: avtoref. diss. kand. ... geogr. nauk. Moscow: MSU, 2013. (In Russian.)
- Smirnyagin L.V. Obektivnost' rayona kak "proklyatiy vopros" rayonirovaniya. *Nauchnye teorii i geograficheskaya realnost: Essays of Forth Socratic conference*. Moscow, 2004, pp. 104–119. (In Russian.)
- Tuan Yi-Fu. *Space and Place: The Perspective of Experience*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977.
- Tuan Yi-Fu. *Topophilia: A Study of Environmental Perception, Attitudes, and Values*. Prentice-Hall, Englewood Cliffs, 1974.